

НЕВЕСТКА ШАМАНА

ГЛУШЬ СЕБЯ ПОКАЖЕТ,
И ТЕБЯ ПОСМОТРИТ

АВТОР: МАРИЯ ЛУКЬЯНЧИКОВА

16+

Мария Сергеевна Лукьянчикова

Невестка шамана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66546706

SelfPub; 2022

Аннотация

В глухое село Туярык ведет всего одна дорога. Утром местный шаман настрого запретил по ней ходить. И именно сегодня Кристине до смерти нужно попасть в это село, чтобы разыскать пропавшего парня. В таежной чаще ее ждет много пугающих тварей, но страшнее всего, как всегда, заглянуть в себя...

Мария Лукьянчикова

Невестка шамана

Боги, отвечайте, что с моим парнем?! Заболел, умер, изменил? Я в тысячный раз слушаю про абонента вне зоны, швыряю телефон и вжимаю газ в пол. Знаки с ограничением скорости для меня как смайлики. Штрафы – ничто, лишь бы он был в порядке! Ник, Никитушка. Я люблю его до безумия, и покровитель влюбленных знает об этом. А иначе, кто хранит машину от аварий? Позади люди бьются капотами и боками, а я непреклонно мчу в село Туярык, где живут родители Ника.

Я попыталась вспомнить, когда ела в последний раз, но ничего не вышло. Важно ли это? Жаль, что и тачка не питается мыслями о Нике. Что ж, она честно проехала много часов без отдыха и заслужила кормежку.

– Девяносто второй, до полного.

– Девушка, вы где витаете? Мы что, прозрачные? В очередь!

И правда, магазин на заправке полон народу – группа туристов разминает косточки после автобуса. Продавец

неспешно возится с кассой и кряхтит. Жизнь здесь течет со скоростью роста гор.

– Сейчас, девушка! Вы только вошли, и кассу заклинило. Никак не открыть.

– А картой можно?

– Козырной или топографической? Сеть тут не ловит. Места глухие, люди лихие, – весело подмигивает продавец.

Наконец раздается щелчок, шумный выдох и звон монет. Клиент передо мной забирает сдачу и отходит в сторону.

– Подскажите, в Туярык верно еду?

Сбоку кто-то тоскливо взвыл. Тело мигом нарядилось в мурашки. Я дернулась и увидела кота, который до этого мирно дремал на подоконнике. Теперь он выгнулся и заунывно вопил. Продавец поежился:

– А вам туда зачем?

– Близкого человека проведать. Никиту, – не стоило уточнять, но имя само выскочило из горла как попрыгунчик. От мысли о нем в животе весело защекотало, будто вспененную

газировку прямо внутри откупорила.

Продавец нахмурился, подался ко мне и проговорил с нажимом:

– Не надо туда. Переждите. У нас тут комнаты сдаются рядом. Утром местный шаман заезжал и строго-настрого запретил сейчас в Туярык соваться.

– Почему?

– Не знаю, – пожал плечами продавец, – но ехать не советую.

– Не пойму, – теперь нахмурилась я, – он адекватный вообще?

Продавец с размаху захлопнул кассу и глянул исподлобья:

– У нас никто шамана послушаться не посмеет. Раз сказал – значит надо так. Мало ли чего.

– А чего? Кто у вас тут водится? – подал голос кто-то из туристов.

Продавец выдержал паузу, обвел всех взглядом и завел

рассказ про загадочных тварей, населяющих эти места. Особенно мне запомнилась байка про му-шубун, духа-людоеда. Эту бестию называют еще дурной птицей. Она заманивает жертву в лес в образе девушки с красными губами. А потом принимает истинный облик, крепким клювом выдалбливает в черепе дырку и выпивает мозг.

– Сказка на основе были. Я таких мозгоклюек не раз встречал, – рассмеялся мужик за столиком.

Тут женщина, что сидела рядом с ним, выпустила из рук телефон, уронила голову на спинку дивана и обмякла. Поднялась суета, продавец поспешил на помощь с бутылкой воды, на ходу бормоча молитву. Настроение рухнуло как самоубийца с моста. Я тихо скрипнула дверью – нужно поскорее наполнить бак и двигаться дальше.

#####

Колонка сердито гудела, рядом со мной заправлялся водитель автобуса, и ничто не предвещало беды, как вдруг шланг в руках мужчины лопнул и его обдало соляжкой с ног до головы. Мощная струя горючего взмыла на пару метров вверх. Я отскочила в сторону и тут же поспешила за руль, чтобы убраться из этого проклятого места!

Вскоре трасса закончилась, и ухабистая грунтовка пове-

ла меня лесом. Деревья, как на подбор крепкие, здоровые, с тяжелыми ветвями, питали глаза первозданной красотой и силой. Я немного расслабилась – раз сеть не ловит, значит, не удивительно, что Ник недоступен. Но его внезапная пропажа из универа и неизвестность – это пытка, колесование. И вновь пальцы дрожат на руле. Такого ведь ни разу не было за... Сколько же мы вместе? Кажется, вечность! Сейчас доеду, и он объяснит свою пропажу. Хотя, к чему слова? Просто будь, любимый. Я хочу приклеиться к тебе, стать частью, и никогда не разлучаться.

Когда моя голова начала подпрыгивать во все стороны как у игрушечной собаки, я убедилась, что моя тачка не для этих мест. Остановилась, вышла и пнула колесо от досады. Так хотелось поскорее отыскать Никиту! Но воздух медом влился в легкие и успокоил душу, а многоликий лес вызвал трепетное благоговение, будто я оказалась в храме. Взгляд быстро нащупал впереди над стволами горстку домов, стоящих на пологих холмах. Пройду этот кусок чащи и окажусь в селе.

Первые шаги дались легко, но чем дальше я отходила от машины, тем более беззащитной себя чувствовала. Светлое ощущение сменила тревога, с которой приходит в святое место грешник, ожидающий кары. Слух напрягся, и все мелкие звуки стали на порядок громче. Глаза, как дворники на лобовом, ритмично скользили из стороны в сторону. В ка-

кой-то момент я осознала, что несусь бегом. Тут взгляд уловил справа движение, и я резко остановилась. Замерла. Принялась озираться.

Через десяток бешеных ударов сердца из-за толстого кедра справа медленно выглянуло нечто – тело, покрытое густой бурой шерстью, с обезьяньей мордой и... дырой в груди. А еще взгляд выпученных глаз: безумный, агрессивный и испуганный. Мои колени подогнулись. Рот распахнулся в немом крике, по телу пронеслась ледяная волна. Всхлипывая от ужаса, я понеслась назад. Только закрывшись в машине и стряхнув слезы, я поняла, что погони нет. Тихо.

Сердце кувыркалось, как обезумевшая акробатка. Тут же пришел на ум рассказ продавца о чучуне – местном йети. Кто-то почитает его как духа-хозяина здешних мест, кто-то видит в нем неизученное животное. Только вот ни те, ни другие, не захотели бы с ним встретиться один на один. Я сглотнула, взялась за ключ, но мотор заводить не стала. Нет, пусть меня лучше задерет зверь, чем я еще хоть час пробуду вдали от Никиты.

Я посидела, уняла дрожь, и вспомнила, что в этих местах духам делают подношения. В бардачке оказался засохший бутерброд и остатки воды – не богато, но тут важнее уважительное отношение. Я вышла, быстро положила еду под

стволом ближайшего дерева и горячо попросила у хозяев чащи разрешения пройти. Затем открыла багажник и вооружилась тяжелым балонником для пушного спокойствия. Заодно и включила видео на телефоне – если меня убьет это существо, так хоть запись потом послужит для науки.

Закончив приготовления, я вновь зашагала по дороге. Глядела лишь на просвет, что белел впереди меж деревьев и мысленно читала стихи, чтобы не думать и не бояться – звери чувт страх, так? Может это был медведь, что встал на задние лапы? Ох, нет. Тот жуткий взгляд... Меня передернуло. Ведь предупреждали на заправке! Впору было арендовать машину повыше или ружье.

Наконец я приблизилась к той самой точке на дороге. Затаила дыхание и проскочила ее, не сбавляя шага. Скосила глаза вправо – чисто! Неужели привиделось? Мышцы слегка расслабились, но слева вдруг раздался топот и треск веток. Я повернула голову и заорала во всю глотку – меховая махина широкими прыжками неслась прямо на меня! Я припустила вперед, отбросив и балонник, и камеру. Утробный рев быстро приближался, спиной я уже ощущала дыхание смерти. Воздух обжигал гортань, в боку колело. Ноги летели, почти не касаясь земли, но оно все же настигло меня, повалило на землю и... я сильно ударилась. Голову пронзила резкая боль. В глазах потемнело, и я отключилась.

#

Очнулась. В носу густой аромат сосны. Тело будто не принадлежит мне: конечности онемели от лежания в неудобной позе, от боли в виске слезы текут сами собой, а веки потяжелели и не желают подниматься. Но я их заставила, конечно. И увидела темный сарайчик, огонек в жестяной печи и... мохнатую спину. Я тоненько заскулила от страха и тут же прикусила себе язык, когда существо обернулось.

Мех спереди разошелся в две стороны и оказалось, что это высокий мужчина, одетый в шубу с длинным спутанным ворсом. Он тут же сбросил ее на пол, рукавом вытер пот со лба и откинул длинные черные волосы за спину. В один миг я оценила – хорош. Глаза узкие, будто ножом прорезанные, скулы острые, брови как крылья, сам статный и сильный. На груди висит круглое зеркало, а рядом амулеты с фигурками полужверей-полулюдей, да вышивки на одежде мистические. Чем-то даже похож на Никиту, только возраста моего папы. Не к месту, я попыталась вспомнить как выглядел мой отец и не смогла. Что с памятью? Неужели, удар по голове сказался? Эти вопросы заняли второе мгновение. А на третье он уже вернул меня к реальности все тем же безумным засасывающим взглядом. Взглядом человека, который не отвечает за свои действия... Я приподнялась.

– Уходи, – тут же прорычал он.

– Мне в Туярык, – кашлянув, выдавила я.

– Нет! Иди обратно!

Я застыла на миг, пробежалась глазами по сарайчику и заметила, что возле стены белеет большой бубен.

– Вы шаман? Пожалуйста, помогите добраться до села, – умоляюще воскликнула я. – Я слышала о запрете, но это вопрос жизни и смерти!

– Сколько мне раз повторять?! – гаркнул он и вскочил с места. Я закрылась от удара, но он просто принялся ходить из угла в угол. – По этой дороге. Нельзя. Сейчас. Ходить. Ясно?

– Ясно, – теперь я старалась говорить спокойно и твердо, чтобы не злить его. – А другие пути есть? В обход?

Шаман закатил глаза и его чистые белки на миг сверкнули в темноте.

– Не уйдешь сама – силой вышвырну! Нет другого хода

здесь. Вокруг – топь, болото.

– Да что же там творится-то такое?! – я уже уверилась, что Ник в беде, а от меня скрывают что-то жизненно важное. Челюсть намертво сомкнулась, а кулаки сжались в кувалды. Шаман явно это заметил и устало вздохнул:

– Ох, девка, и чего ты здесь забыла? С виду дробненькая, пугливая, а на деле – верблюдица упертая. Раз отвадил – смотрю, опять тащится. Второй раз хотел волоса на кулак намотать да выволочь, но ты уж сама об землю приложилась. Притащил доглядеть, пока не очнешься.

Он подошел к двери, приоткрыл ее, свистнул кому-то и поводит указательным пальцем в воздухе. Мол, следи, не спускай глаз. Затем тяжело опустился на табуретку, откупорил термос, налил чаю в кружку и протянул мне.

– На, попей. Расскажу я тебе, почему дорогу стерегу. Видение мне было, что движется в Туярык преопаснейшая тварина. Как придет – учинит зло и горе. Сперва с малых бед, а там и до болезней смертных дойдет. Превратит село в погост молчаливый, и дальше полезет. Вот и жду заразу. Местных поостерег ходить, а тут ты, залетная. Бывают же совпадения... И по чью душу пришла?

Я поставила кружку, не отпив ни глотка. Услышь я это все в городе – в жизни бы не поверила. Но здесь, в глуши, история, облаченная в хриплый шепот мужчины с загадочными амулетами на шее, обретает неоспоримую силу.

– Я к парню моему. Любимому. Мы в универе вместе учимся, – тут меня осенило, – погодите, но раз я обычный человек, почему нельзя пройти?!

– А вот почему.

И шаман забормотал, время от времени прерываясь на то, чтобы подскочить к двери и оценить обстановку. Оказалось, что вчерашний рассвет он встретил ни жив, ни мертв – едва оклемался после удушающе тяжелого сна и тут же стал мыслить, как сберечь людей. Да вот незадача – не открылось ему, что из себя представляет опасность и как выглядит. Духпокровитель посоветовал установить шаманский самострел. Оружие это – незримое для людей, и поражает не тело, а душу, что тоже ведет к верной смерти. Глаз с ушами у него нет – обмануть не получится. Шаман настроил самострел по ощущениям из видения – цель поразит наверняка. Да только не так все просто...

На этом месте собеседник духов запнулся, смочил горло обжигающим чаем прямо из термоса и потер лицо руками –

явно волновался. И было отчего. Если сторожильный волосок заденет загаданная добыча – вмиг погибнет. А вот если кто-то другой на него наступит, тогда умрут части самостре-
ла.

Я ощутила, как начинаю трястись от дурного предчув-
ствия.

– Умрут части? Он живой что ли?

– На лук пошел дух брата, на тетиву – жена, на стрелу –
старший сын... – он принялся загибать пальцы.

У меня зазвенело в ушах. Шаман остановился на шести
частях и продолжил шевелить губами, только до меня боль-
ше не доходил смысл его слов. Он остановился, взял коло-
тушку и легонько стукнул по бубну. Глубокий низкий звон
туго натянутой кожи привел меня в себя, прогремел в голове
будильником. Я очнулась с по-идиотски открытым ртом.

– Вот поэтому я сторожильный волос и охраняю зверем.
Покуда я с тобой в сарае – там мой амагят, дух-покровитель.
Но вообще, и мне пора на пост возвращаться. Так что выме-
тайся.

Я встала, но к двери не пошла. Напротив, медленно при-

близилась к шаману и звенящим от напряжения голосом поинтересовалась:

– А сына вашего как зовут?

– Старшего? Никита.

Меня будто в кипяток заживо бросили. Рука стремительно взлетела, чтобы отвесить шаману пощечину. Мужчина быстро среагировал и перехватил мое запястье, но я издала полувизг-полурыв и начала истерично лупить его куда придется. Меня трясло, лицо промокло, а нутро пронзил животный страх. Я продолжала изо всех сил дергаться в его стальной хватке, но когда он ловко скрутил меня и перемотал руки веревкой, нахлынула новая волна жути – он бросит меня здесь, а сам вернется на дорогу!

– Я помогу, стойте! – выпалила я, задыхаясь как после бега. И добавила, сквозь перестук зубов, – я в порядке, отпустите. Я могу помочь.

Он замер, размышляя, что со мной делать. Я тоже застыла, чтобы он не затянул узел веревки. В могильной тишине мы оба вдруг услышали, как снаружи что-то взлетает и падает. Будто невидимый игрок подбрасывает небольшой увесистый предмет, подбирает и снова кидает.

Даже не знаю, что страшнее – увидеть мохнатую образину перед собой или позволить мозгу самому придумать то существо, которое развлекается в таежной глуши. Шаман напрыгся, глянул на меня таким тяжелым взглядом, будто гирию на лицо кинул, медленно подошел к выходу и осторожно приоткрыл дверь. Я не растерялась – тут же распуталась и подобралась к нему на четвереньках. То, что я увидела в щелку, разделило мою жизнь на «до» и «после». Необычайно красивая девушка играла моим балонником в компании крупного черного ворона.

Сперва в глаза бросился наряд красавицы – синее платье, щедро расшитое серебрястыми нитями и разноцветным бисером. Тонкую шею отягощали золотые цепи, а запястья – браслеты с драгоценными камнями. Да и сама девушка могла стать настоящим украшением чьей-то жизни – блестящие черные косы, напоминающие змей, две ледяные проруби глаз, изящно прорезанные на рисовом пергаменте лица, и тонкие губы брусничного цвета. Я вспомнила рассказ про му-шубун и испуганно взглянула на шамана, но вместо ответа тот неслышно отскочил в угол сарайчика и выхватил из-под горы тряпок охотничье ружье. Затем поднял с пола меховую шапку и набросил ее мне на голову. Шапка, еще хранившая его тепло, сползла до самых глаз. Ружье же он всучил мне в руки и горячо шепнул на ухо:

– Звать как?

– Кристина.

– Кристина? Уши закрой и сиди тут тихонько, ружье сто-
рожи. Я сам с этим разберусь. Но, если что, запомни. Руки –
вот так, а жать вот сюда. Да не робей – не человек это.

На этом он схватил свой бубен, резко распахнул дверь
и вышел. Я прильнула к щелочке. Завидев шамана, ворон
вспорхнул на ветку кедра, а девушка вздрогнула и выронила
балонник. И, прямо на глазах, ее нос и губы срослись и пре-
вратились в красный железный клюв, а ногти на руках вы-
тянулись в железные когти. Шаман приподнял бубен и при-
нялся мерно прохаживаться колотушкой по его краю, извле-
кая глубокий низкий звук. Дурная птица никак не реагиро-
вала. Сперва мне показалось, что она ошарашена, но тут я
заметила, что ее глаза превратились в две воронки – того и
гляди засосут. Меня тут же оттолкнуло от двери, будто маг-
ниты одинаковых полюсов столкнулись.

На шамана ее гипноз тоже не действовал. Он открыл рот и
принялся за горловое пение на незнакомом мне языке. Впро-
чем, это не помешало звуку залететь мне в грудь и вибриро-
вать там, пробуждая звериные инстинкты и вздымая на по-

верхность мрачные осколки воспоминаний, мутные, как ил. Я уселась на четвереньки и оскалилась. А напротив му-шубун, прямо на месте шамана, уже стоял громадный белый лось с белыми рогами. Бубен же остался стоять, прислоненным к наружной стенке сарая.

Лось рванул вперед, наклонив голову. Своим грозным оружием, великолепной короной, он с силой боднул девушку, и та отлетела в сторону, но странным образом устояла на ногах, распахнула клюв и издала пронзительный крик, похожий на визг или высокий скрежет ногтей по стеклу. Я упала на пол, вены в голове будто схватили и потянули вверх, срывая верхушку черепа. Казалось, глаза сейчас выдавит из глазниц, но вскоре приступ отошел, а вот шапка шамана так нагрелась, что в глаза потек пот со лба. Снимать ее я не решилась и вновь прильнула к двери. От ужасного крика девушки-птицы несчастный ворон замертво свалился с дерева, а лось отступил назад, мотая головой, но тут же вновь атаковал, на сей раз не рогами, а передними копытами. Едва копыта коснулись железного клюва – во все стороны полетели искры. Голова дурной птицы откинулась, но она быстро оправилась и ответила резким ударом когтистой руки по шее зверя. На белоснежной шерсти появились кровавые полосы, но, очевидно, порезы вышли неглубокими, ведь лось в этот момент разворачивался, чтобы поразить цель копытами задними. На этот раз му-шубун все же упала на землю, уступая

шаману выигрышное положение для решающего удара.

Наблюдая за сражением, я так навалилась на дверь, что щель в проеме расширилась и голова оказалась снаружи. И прямо на моих глазах бубен шамана... лопнул. Я дернулась назад, зажав рот руками. Лось тоже обернулся и в огромных карих глазах зверя мелькнуло человеческое удивление. В этот же миг, му-шубун приняла свой птичий облик – ее руки обросли серыми перьями, тело сжалось, а ноги стали когтистыми лапами. Остались только украшения и девичья голова с острым клювом. Бестия взмахнула крыльями и с пронзительным криком вцепилась в морду лося железными когтями. Лось затряс головой, попятился с жалобным мычанием, стал кружиться на месте, но птица все глубже вгоняла свои когти в его морду и примерялась клювом в макушку.

Не думая ни секунды, я схватила ружье и выскочила из сарая.

– Эй, гадина, смотри-ка сюда! – завопила я что было сил. – Отродясь я таких тварей не видела. Тебя же в цирк уродов, людям на потеху надо!

Выстрелить я даже не пыталась – слишком близко они были. Поэтому мозг быстро подсказал решение – разозлить ее и отвлечь. Судя по обилию украшений, адская пташка отлича-

лась тщеславием. Му-шубун ответила своим коронным визгом-скрипом, от которого меня согнуло пополам, но в этот раз я ожидала подобного и успела бросить ружье, чтобы зажать уши.

– Ой, да не истери, на правду не обижаются! – я продолжила самоубийственное хамство. – Ничего, что стремная, может, ты умная! Хотя, думаю, и тут мимо, иначе бы не играла моим балонником как трехлетка!

В адреналиновом кураже я схватилась за живот и издевательски захохотала. Глаза дурной птицы налились кровью. Она отцепилась наконец от багровой и кровоточащей морды лося и полетела прямо на меня. Я поперхнулась смехом, схватила ружье, приложила приклад к плечу и нажала на курок трясущимися пальцами. Попала! Да прямо в грудь твари, что распростерла крылья и надвигалась, будто в замедленной съемке! Ужас внутри сменился ликованием, а потом снова паникой, когда я поняла, что му-шубун падает прямо на меня и она еще не мертва. Я попятилась, лоя лицом струю крови из ее раны, а потом и ее саму. Тяжелое мохнатое тело обрушилось сверху, с двух сторон в голову прилетели оплеухи от крепких крыльев, по боку чиркнули ножи, и мы вместе рухнули на землю. Меня так оглушило, что в ушах зазвенело, а картинка поплыла. Тут сбоку раздался глухой удар и существо обмякло. Я дернулась, с трудом сбрасывая

птицу с себя, и увидела шамана в человеческой ипостаси с балонником в руке. Пригодился все-таки.

– Ты как? – хрипло спросил шаман, растирая кровь с глаз рукавом. Его лицо было расчерчено жуткими порезами, в одном месте кожа отвалилась вбок лоскутом, под ней краснело мясо и белел кусочек кости.

– Лучше, чем вы. И она, – я повернулась на птицу и тоже протерла глаза, только от неверия – на месте птицы лежала широкая голая кость. И больше ничего.

Шаман быстро скользнул в сарайчик, я поспешила следом. Внутри он приказал вынуть из кармана шубы небольшую аптечку. Сперва мужчина взялся сам обработать себе лицо, но я цокнула, вырвала медикаменты и помогла. Когда кровь наконец начала впитываться в бинты и перестала затекать ему в глаза (удача, что они остались целы!), шаман взялся за меня и охнул:

– У тебя тут порезы тоже знатные, ты как вообще стоишь? Быстро ляг. Ну даешь, девка! Крепок дух в тебе, вон как тело держит.

Я с удивлением осознала, что боли не чувствую, но тело до ужаса тяжелое, как песком набитое. Легла. Шок добрал-

ся до сознания. Голова закружилась, мысли стали носиться испуганными воронами. Внезапно шаман тепло улыбнулся мне, обрабатывая рану.

– А я ведь тебя узнал наконец, Кристина. Мне про тебя Никитка говорил. Обещал привезти познакомиться, и фотку показывал. Только ты там румяней и полней. Вот так и буду внучкам рассказывать, как меня невестка от смерти спасла.

Я радостно улыбнулась в ответ, но вдруг вспомнила о са-мостреле и охнула:

– Так я же дурную птицу от дороги отогнала! А надо было ее на волосок заманить! Теперь, когда тварь мертва, вы сможете оружие разрядить и близких освободить?

– Зачем? – сперва не понял отец Никиты, а потом пояснил, – ах, так это не она!

– Как не она? – я приподнялась.

Шаман надавил мне на плечо, заставляя лечь, и объяснил:

– Это местная му-шубун, я ее уже видел как-то. Но не думал, что именно сегодня познакомимся. Вот такие тела обретают души девушек, которые при жизни не познали любви.

Я молчала. Шаман посмотрел на мое удивленное лицо и вновь улыбнулся:

– Да ты не бойся, этих не так много! Правда, и другие есть. Иногда души после смерти тела не уходят в Нижний мир, а остаются в Среднем и продолжают жить, обретая странные формы. Есть безобидные, типа домовых. А вот те, что умерли жестокой смертью, получили от Великого бога Нума способность мстить людскому роду, сеять горе. Вот такое существо я и жду тут... А каким оно будет – один Нга знает, хозяин тьмы... Ну ладно, полежи тут, я сожгу останки птицы и вернусь.

И он оставил меня лежать в тупом оцепенении. В душе разрастался искрящийся вихрь из мутных осколков, которые пытались сцепиться в жуткую картинку, как кусочки мрачной мозаики, но я не давала им этого сделать – неистово трясла головой и жмурилась, представляя Ника. Наконец меня вырвало. Шаман вернулся, заохал и принялся суетиться. Обещал вызвать по рации местного фельдшера – один порез надлежало зашить, а остальные обработать получше. Едва шевеля губами, я спросила:

– А почему лопнул ваш бубен?

– Сам не понял, – шаман нахмурился. – Так-то это не смертельно, бубен дозволяется сменить. А вот что произошло – интересно. Возможно, он меня спас от чего-то.

Я не могла больше выносить этого... Скривила губы как ребенок и в отчаянии зарыдала. Не могу так! Когда это кончится? Да за что мне это? Я просто хочу к Никите. Где он, где?! Когда я увижу его? Вслух я провыла:

– А долго еще ждать? Долго еще жизнь Никиты и ваших близких на волоске будет висеть? И как вы вообще можете ими жертвовать?

– Не только ими. Я и сам бы умер, если б самострел в птицу попал. Всей гурьбой спокойнее умирать, верно? Чем одному остаться и родных оплакивать, – шаман натянул один уголок рта в подобие улыбки. – Но я сделаю все, чтобы никто не пострадал. Лучше сам жизнь отдам за них. Мое это ремесло, мой долг – защитить село от напасти. И тебя сбереечь я должен. Сейчас рацию настрою.

Он начал крутить колесики на черном приборе, но ощутил, как моя рука легла на его, и остановился.

– Позовите Ника сначала. Прошу. Умоляю. Мне надо его увидеть. Срочно!

Он покачал головой:

– Да не бойся, невестушка, не умрешь ты. И пострашней царапины видали. Хотя, я все понимаю. За день навидалась всякого, устала. Ничего, справишься. Но остаться не проси – бой не кончен еще. Чую нутром, что надвигается оно.

– Я уеду, – я всхлипнула и собрала в кулак всю убедительность. – Дайте только Никиту повидать. Да что вы, нелюдь?! Издалека погляжу и уйду без боя, не доставлю вам хлопот. Пусть он с той стороны от волоска встанет. А где он, кстати?

– Волос? Да между двух ровных кедров, чуть далее от того места, где я тебя свалил. Ох, мать. Совсем сдала. Ладно, вызову сейчас твой свет в окошке, – шаман вздохнул и связался с сыном.

Я сдалась. Устала. Мой мир жалко хрустнул, пошел трещинами и безобразно распался. Все встало на свои места. Я позволила острым кусочкам мозаики в моей памяти складываться в целые фрагменты. Уже проглядывала та леденящая кровь картина, которая заставила бы зарыдать от боли любого, кроме меня самой. Мне уже было все равно. Вскоре отец Никиты побеседовал с врачом, осторожно приподнял меня, положил руку себе на плечо и медленно повел на дорогу. Со

стороны села уже слышался собачий лай и вскоре показался Он.

Знаете, это как свет фонаря, дающий заблудшему дорогу во тьме, как спасательный корабль, который раздвигает волны и является тонущему, как рука матери, которую слепой младенец чувствует нутром еще до того, как она его коснулась, потому что так отчаянно в ней нуждается. Я увидела Никиту, легонько отстранила шамана и сделала несколько шагов к нему.

Ник расплылся в улыбке и ускорился, но чем ближе он подходил, тем быстрее таяла его улыбка, а вот волнение на лице усиливалось. Собака и вовсе изошла на лай, вырывая поводок.

– Вон там стой, дальше не ходи! И ты тоже! – шаман строго одернул нас и затем весело обратился к сыну. – Ну, Никитка, невестка у меня – огонь! Одобряю! Чего молчишь? Не стесняйся, считай, меня тут нет!

– Привет, Крис, – неуверенно произнес Никита.

У его псины изо рта пошла пена. Я зарыдала, глядя на него, в груди неистово щемило.

– Это не она, – голос Никиты дрогнул.

– Как так? В точности как на фото, – настороженно возразил шаман. – А Полкан, небось, птицын дух учуял.

– С виду – Кристина, – с нарастающей паникой в голосе заговорил Никита. – А только слезы утирает как Лиза, однокурсница наша. Она при мне как-то плакала после зачета, да лицо терла не вбок, а вниз, как если бы в рот слезы загоняла. Чудно, вот я и запомнил. Милая такая, стеснительная, смотрела на меня влюбленно. А на прошлой неделе ее какие-то подонки... мрази... Пап, ее изнасиловали и убили.

Никита заплакал, не отрывая от меня глаз. И я плакала вместе с ним. Плакала от того, что не могу подбежать к нему, вытереть слезы с родного лица и сделать что-то, чтобы он не печалился.

– Они еще и над телом надругались жестко. До сих пор в голове не укладывается. Тихоня наша, да за что ей эти садисты чертовы встретились?! Я не рассказывал тебе, потому что не мог... Мы всем потоком на похороны ходили – хоть руку положить на закрытый гроб. И Кристине еще плохо стало прямо на кладбище. Но тогда я не удивился, а сейчас...

Никита утер слезы рукавом и вдруг заорал благим матом:

– Да она в ней! Отец! Вынь ее оттуда! Вынь ее из Кристины! Скорей!

Шаман издал нечленораздельный звук и двинулся на меня, но не резко, а неуверенно, крадучись. Мне не было до него дела. Я превратилась в сплошную боль и выла уже без слез. Грудь сдавило щемящее чувство ненужности. За что он меня ненавидит? Может я и не злой дух, а вообще ангел-хранитель! Во мне же только любовь и ничего другого! Может, есть выход? Я обернулась к шаману и выставила руки вперед. Тот замер. Я глухим голосом приказала:

– Разбери самострел! Быстро! А не то...

Я понятия не имела, что могу сотворить, но шаман остановился. И посмотрел на меня с неподдельной жалостью:

– А не то, что, Лиза? Пойдешь к нему и доведешь до смерти своим присутствием? Живым к живым, мертвым к мертвым. Мне жаль.

– Ну тогда я убью эту девку! – выпалила я уже от безысходности.

По ту сторону невидимого волоска Никита заорал в кулак

и ударил им по стволу кедра. В приступе паники он принялся винить отца:

– Как ты ее не учул? Я же говорил, отдыхать надо! Двое суток без сна и в камланиях... Совсем спятил! Прощу, сделай что-то!

Невыносимо было видеть его таким испуганным и злым, со вздувшимися венами на висках, искривленным лицом. Любимый. Он даже не пытался со мной говорить. Он не думал обо мне. Я – вчерашний день, сгоревшая свеча, бесплотный дух. Но все еще живу и чувствую. И не хочу ему страданий. Успокойся, милый. Я не та тварина. Я Лиза.

Последние секунды я целовала Никиту взглядом, впитывая в себя его черты, а затем шагнула на незримый волосок между двух кедров.

Раздался тихий хлопок и мелодичный звон колокольчиков. И ничего. Не ощутив сопротивления, я побежала навстречу Нику. Приблизиться, обнять, объяснить... Но вдруг меня рывком выбросило из тела Кристины. Я стала легче воздуха, полетела вверх и увидела, как она падает в руки Нику, как крепко он сжимает ее и бережно берет на руки.

И я вспомнила свою лютую ненависть. Что б она сдохла!

Я так хотела Ника... Я тогда вцепилась зубами в свое охладевшее тело и ждала свидания с ним у собственного гроба. Жаждала момента, когда его внимание будет занято мной. Но в день похорон на его руке висела эта швабра, и он успокаивал ее, будто это ее били, ломали и резали! Отняла! Отобрала мелочь у попрошайки, крохи у голодного. Я так взбесилась, что захотела то ли забрать ее с собой, то ли оказаться в ее шкуре рядом с ним... Но перепутала все на свете и не смогла ничего, ничего, а теперь и не важно – по дороге через лес уже ехала буханка, а в ней, наверняка, врач.

Я перевела взгляд на шамана и поняла, что тот смотрит вверх и видит, прощается взглядом. Будь у меня тело, щеки бы покраснели. Все же он красавчик, а шрамы затянутся скоро, оставив только следы, похожие на русла пересохших рек. Как досадно, что я так поздно осознала свою новую природу! Ведь мы могли бы договориться. Я бы оставила эту падаль и стала его служебным духом, правда?

И тут же ответила сама себе – нет. Был бы выбор – я бы от Ника не ушла. Прицепилась бы и упивалась иллюзорным счастьем, убивая все вокруг и его самого, в придачу. Хороший шаман. Правильно с самострелом решил. Что ж, пусть живет мой любимый. Я спасла его. Сберегла от самой себя. И это, хоть немного, но делает нас ближе.

#####

Я любила до последней секунды своего существования. Меня разнесло на миллион крохотных частичек, и каждая из них продолжала жить чувствами к Нику и его отцу. И даже когда эти частички бриллиантовой крошкой разлетелись во все стороны, я еще радовалась, что смогла повидать любимого и познакомиться с шаманом. И успокоилась лишь тогда, когда над глухим лесом близ села Туярык пролился невесомый грибной дождь, и его капли ушли в землю.